

Возможен ли язык интенциональных контекстов?¹

В.А. ЛАДОВ

В статье обсуждается возможность построения языка, ориентированного исключительно на выражение интенциональных контекстов. В качестве примера рассматривается язык феноменологии Э. Гуссерля. Обсуждаются вопросы о выразительных возможностях данного языка и его логической непротиворечивости. На основании логико-лингвистического анализа Г. Фреге утверждается, что нацеленность на выражение экстенциональных контекстов является неотъемлемым свойством естественного языка, что делает осуществление феноменологической редукции на лингвистическом уровне крайне затруднительным. Однако данное обстоятельство автор статьи трактует не как недостаток, а, напротив, как достоинство естественного языка, поскольку язык, ориентированный исключительно на выражение интенциональных контекстов, является логически противоречивым, что становится ясно при применении к теории языка интенциональных контекстов аргумента от автореферентности.

Ключевые слова: интенциональный контекст, экстенциональный контекст, язык, феноменология, Гуссерль, Фреге, автореферентность, парадокс, Рассел, Тарский, реализм, антиреализм.

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 12-06-00078-а), РГНФ (проект №11-03-00039-а), ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (мероприятие 1.2.1., заявка № 2012-1.2.1-12-000-3003-029), а также в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научных исследований (тематический план НИР Национального исследовательского Томского государственного университета) № 6.4832.2011.

Введение

Вопрос, вынесенный в заглавие статьи, стоит прояснить. То, что интенциональные контексты могут быть представлены в языке, несомненно. Мы ежедневно конструируем сами и воспринимаем в речи других предложения, в которых даны подобного рода контексты. По-настоящему значимая эпистемологическая проблема в философии языка состоит в другом: возможен ли язык, ориентированный *исключительно* на выражение интенциональных контекстов? Данную проблему можно разделить на два частных вопроса: 1) о выразительных возможностях языка интенциональных контекстов; 2) о логической непротиворечивости языка интенциональных контекстов. Остановимся на каждом из вопросов и сделаем выводы общего характера.

Вопрос о выразительных возможностях языка интенциональных контекстов

Для прояснения данного вопроса представляется уместным обратиться к анализу языка феноменологии. Операция феноменологической редукции является определяющей для феноменологии. Она осуществляет важнейший методологический сдвиг с натуралистической установки познания на трансцендентальную установку. Мы должны отказаться от полагания объективного бытия окружающего мира и принимать его только в качестве смысловых коррелятов актов сознания познающего субъекта. На лингвистическом уровне это как раз и означает переход с языка экстенциональных контекстов, где речь идет о вещах и явлениях объективного мира, на язык интенциональных контекстов, где выражаются смысловые конфигурации сознания субъекта, познающего объективный мир. Можно сказать, что требование феноменологической редукции в его лингвистическом измерении должно означать запрет на экстенциональный язык. Языком феноменологии должен быть исключительно язык интенциональных контекстов. Мыслим ли такой язык? Какими выразительными возможностями он должен обладать? Эти вопросы коррелятивны вопросам о возможности осуществления феноменологической редукции на лингвистическом уровне.

Для более тщательного исследования вопроса о выразительных возможностях языка интенциональных контекстов

полезно обратиться к сравнению тезисов эпистемологической концепции Э. Гуссерля и семантической концепции Г. Фреге. Дело в том, что именно фрегевская семантика представляет собой, так сказать, лингвистическое зеркало феноменологии, каждый элемент которой является отображением соответствующего элемента гуссерлевской эпистемологической концепции. Но если коррелятивны сами теоретические конструкции, что мы сейчас покажем более подробно, то вполне можно допустить применение техники и результатов анализа, полученных в одной системе, к другой. Именно это мы и сделаем, указав на важнейшее по отношению к феноменологии лингвистическое открытие Фреге.

Основой корреляции выступают понятие интенциональной сущности, рассматриваемое Гуссерлем², и понятие смысла языкового выражения, которое анализирует Фреге³. Оба автора в качестве результатов своих исследований представляют специфические трехчленные структуры. Гуссерль говорит об интенциональном акте – идеальном содержании мысли (Sinn, Wesen) – интендированном предмете, а Фреге – об определенном знаковом комплексе – смысле знаков (Sinn, Gedanke) – значении знаков. При этом под «значением» (Bedeutung) Фреге коррелятивно Гуссерлю понимал предмет в самом широком смысле (т.е. это может быть и отдельный материальный объект, и связь объектов в некотором положении дел, и определенный процесс).

Отчетливую схожесть обнаруживают медиальные элементы (интенциональная сущность, смысл) в этих структурах. И Гуссерль и Фреге приписывают данным медиальным элементам статус идеального бытия, и оба утверждают возможность непосредственного схватывания данного элемента в особом интеллектуальном опыте. Идеальное бытие отличает эти элементы от интендируемых предметов (значений знаков), обладающих реальным бытием в рамках объективных пространственно-временных отношений.

Медиальные элементы также получают характеристику внесубъективности. В этом Гуссерль и Фреге противостоят психологизму, отличая схватывание идеального содержания от сопутствующих ментальных образов, имеющих психологически субъективный характер.

² См.: Гуссерль Э. Логические исследования // Э. Гуссерль. Собр. соч. Т. II (1). М., 2001.

³ См.: Фреге Г. Смысл и значение // Г. Фреге. Избранные работы. М., 1997. С. 25–49; Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Г. Фреге. Логические исследования. Томск, 1997. С. 22–49.

Оба автора имеют похожее понимание отношения медиального элемента к последнему элементу структуры – реальному предмету. Смысл или интенциональная сущность представляет собой способ тематизации обсуждаемого предмета, т.е. принятие во внимание предмета каким-либо особым образом. Самый простой пример здесь приводит Фреге. Выражения «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда» обозначают один и тот же предмет – тот, который обозначается собственным именем «Венера». Однако по смыслу эти два выражения различны – предмет принимается во внимание в разных аспектах. Подобные пассажи можно найти и у Гуссерля.

Пожалуй, самый главный для настоящего рассмотрения момент корреляции обнаруживается в наделении медиального смысла характеристикой индифферентности. Смысл индифферентен по отношению к решению вопроса о реальном существовании или несуществовании принятых посредством него во внимание предметов. Как для Гуссерля смысл усматривается с очевидностью вне зависимости от того, что он репрезентирует – реально существующий предмет или галлюцинацию, – так и для Фреге сам смысл знакового комплекса не может быть описан как истинный или ложный, он также рассматривается как нейтральная данность.

Поскольку характеристика индифферентности смысла оказывается сейчас наиболее важной, уместно провести здесь более тонкие корреляции.

Во втором томе «Логических исследований» Гуссерль, выстраивая иерархию качественных форм интенциональных актов, вводит следующие различия. Основополагающей формой любого интенционального акта признается та, которая имеет качественную характеристику простого представления (*blosse Vorstellung*). На этом уровне интендирования происходит схватывание чистого нозматического содержания (или «материи» интенциональной сущности – как высказывался Гуссерль в «Логических исследованиях»). Какое-либо положение дел (*Sachverhalt*) просто принимается во внимание и обдумывается. Это уровень непосредственного усмотрения феномена, данного в эйдетической интуиции. Вплотную к этой структуре примыкает другая качественная форма, которую Гуссерль называет полагающим актом. Предназначение последнего сводится к тому, чтобы решать вопрос о бытийной значимости положения дел, которое мыслится в фундирующем акте простого представления. Решение вопроса о бытийной значимости состоит либо в придании мыслимому положению дел статуса автономного существо-

вания, либо в отказе ему в этом: «Среди номинативных актов мы различаем полагающие (*setzen*) и неполагающие. Первые подразумевают в определенной степени существование (*sind gewissermaßen Seinsmeinungen*) – будь это чувственные восприятия, восприятия в более широком смысле схватываний предполагаемого существования вообще или прочие акты, которые, даже не предполагая схватить сам предмет (живо или вообще наглядно), все же имеют его в виду как *существующий*. Другие акты оставляют открытым вопрос о существовании своего предмета; предмет может существовать, однако в самих актах он не подразумевается в модусе существования или *не имеет силы* действительного предмета, скорее он «просто представлен»⁴.

Подобные дистинкции обнаруживаются у Фреге. Он также различает схватывание мысли (*Fassen*), т.е. принятие во внимание некоторого мыслимого положения дел без решения вопроса об истинности последнего, и суждение (*Urteil*) как признание истинности мысли: «Итак, мы будем различать: 1) схватывание мысли – мышление; 2) признание истинности мысли – суждение; 3) демонстрация этого суждения – утверждение»⁵. При этом Фреге упоминает, что он использует термин «суждение» не в привычном логическом смысле, т.е. как предикацию, а именно как утверждение истинности, что как раз и соответствует гуссерлевскому полагающему акту. Предназначение обеих этих структур заключается в том, чтобы продуцировать утверждение о существовании мыслимого положения дел.

Несмотря на то что феноменологическая редукция как таковая еще не является темой ранней феноменологии, представляется возможным изложить эту методическую операцию в терминах «Логических исследований». По сути здесь Гуссерль уже различил акты, ответственные за формирование как натуралистической, так и трансцендентальной установки, просто он еще настаивал на запрете натуралистической установки сознания в соответствии с требованием феноменологической редукции. Редукция, если пользоваться терминами ранней феноменологии, должна принимать во внимание как раз отношение между индифферентным простым представлением и полагающим актом, а именно: редукция «заключает в скобки» полагающий акт. Описание данной методической операции в терминах «Логических исследова-

⁴ Гуссерль Э. Указ. соч. С. 445–446.

⁵ Фреге Г. Мысль: логическое исследование. С. 28.

ний» актуально для нашего настоящего сравнения исследовательских стратегий Гуссерля и Фреге, подобие между которыми наиболее четко можно зафиксировать именно в контексте ранней феноменологии.

К сожалению, гуссерлевский образ заключения в скобки так и остался недостаточно проясненным. Сам Гуссерль, говоря об этой операции, имеет в виду то торможение (приостановку) полагающих актов, то рефлексия над ними. Это можно увидеть в «Идеях...»: «Переходя же к феноменологической установке, мы с принципиальной всеобщностью *пресекаем совершение* любых подобных когнитивных полаганий [речь идет как раз о бытийных полаганиях, т.е. о полагающих актах. – В.Л.], а это значит: мы заключаем в скобки прежде произведенные, что же касается дальнейших исследований, то мы не соучаствуем в подобных полаганиях; *вместо того* чтобы жить в них, *совершать их*, мы совершаем направленные *на них* акты рефлексии [курсив мой. – В.Л.]»⁶. Если отказаться от продуцирования этих актов, то как можно совершать над ними акты рефлексии? Та же двусмысленность проступает и в «Картезианских размышлениях»: «Я, философски размышляя, не придаю более значимости естественной уверенности в бытии мира, свойственной опыту, *не осуществляю полагания* этого бытия, между тем как *она* все еще *присутствует* среди прочего и схватывается внимательным взглядом [курсив мой. – В.Л.]»⁷.

Думается, что предпочтение все же следует отдать рефлексии. Под запретом совершения Гуссерль скорее понимал запрет на наивное, латентное совершение этих актов, которое действительно характерно для естественной установки. Редукция не препятствует бытийному полаганию, она лишь делает его явным, признавая тезис о бытии мира только в качестве результата активности сознания, продуцирующего полагающие акты.

На лингвистическом уровне обсуждаемая методическая операция будет выглядеть как «заключение в скобки» суждения об истинности или ложности той мысли, которая выражена в предложении языка, т.е. как рефлексия, а значит, как лингвистическая фиксация акта, утверждающего логическую валентность пропозиции. Или, говоря в терминологии, которая имеет непосредственное отношение к теме настоящей статьи, на лингвистическом уровне редукция должна представлять как

⁶ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1999. С. 111.

⁷ Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 1998. С. 346.

фиксация перехода от языка интенциональных контекстов, где речь идет о мыслимом положении дел, к языку экстенциональных контекстов, где речь идет об объективном существовании фактов.

Важный результат логико-лингвистического анализа Фреге состоял в том, что описанная выше лингвистическая фиксация в естественном языке, который как раз и использует Гуссерль для экспликации своих исследований, невозможна. Осуществление суждения-утверждения, т.е. признание истинности мысли, имеет в языке всецело латентный характер. Невозможно обнаружить специального знака, который характеризовал бы наличие такого суждения, это суждение-утверждение осуществляется самой формой утвердительного предложения: «Мне представляется, что до сих пор мысль и суждение отчетливо не различались. Возможно, язык сам потворствует этому. Действительно, в утвердительном предложении нет специального компонента, соответствующего утверждению»⁸. Утвердительное предложение естественного языка выражает всегда одновременно и без какой-либо дифференциации саму мысль и экзистенциальное полагание мыслимого: «Признание истинности мысли мы выражаем в форме утвердительного предложения. При этом нам не требуется слово “истинный”. И даже если мы употребляем это слово, собственно утверждающая сила принадлежит не ему, а форме утвердительного предложения»⁹.

Данный результат логико-лингвистического анализа Фреге представляет собой серьезное препятствие на пути осуществления процедуры феноменологической редукции. Гуссерль не заметил, что произвести рефлексию над актами бытийного полагания не позволяют выразительные возможности того языка, который он использовал в феноменологии. Произнося «На улице идет дождь», феноменолог оказывается неспособным четко различить и зафиксировать в рефлексии мысль, выражаемую этим предложением, и суждение об истинности этой мысли. Это значит, что язык неминуемо затягивает феноменолога в сферу естественной установки, не позволяя отличить мысль о факте от утверждения объективного существования данного факта, т.е. не позволяя отличить интенциональный контекст от экстенционального.

Руководствуясь сказанным выше, сделаем следующие промежуточные выводы. Язык интенциональных контекстов

⁸ Фреге Г. Мысль: логическое исследование. С. 28.

⁹ Там же.

должен быть достаточно богат по своим выразительным возможностям, чтобы быть способным фиксировать различие между мыслимым положением дел как коррелятом субъективного акта сознания и объективным положением дел, независимым от субъективности. Такой язык должен четко отделять интенциональный контекст от экстенционального. Однако на основании проведенного анализа можно констатировать, что по крайней мере естественный язык не обладает такими выразительными возможностями.

Важный для нас вопрос заключается в следующем: должны ли мы расценивать данное свойство естественного языка как его недостаток, как некоторую ущербность? Оставим этот вопрос на время открытым и вернемся к нему в конце статьи.

Вопрос о логической непротиворечивости языка интенциональных контекстов

Анализ языка феноменологии может оказаться продуктивным и при обсуждении второго вопроса, обозначенного во введении. Мы сказали, что феноменология должна мыслиться как теория языка интенциональных контекстов. Данная эпистемологическая концепция утверждает, что радикально рефлексивный научный (известно, что Гуссерль подразумевал под феноменологией проект философии как строгой науки) язык должен быть ориентирован исключительно на выражение интенциональных контекстов.

Однако как только мы зададимся вопросом, в каком именно дискурсе продуцируется подобное утверждение и каковы характерные черты этого дискурса, тут же увидим, что гуссерлевская концепция не сможет устоять перед доводами так называемого аргумента от автореферентности, в рамках которого содержание гуссерлевского тезиса о тотальности языка интенциональных контекстов будет противопоставляться ему самому в процессе его утверждения. Мы увидим, что гуссерлевская эпистемологическая концепция содержит в себе противоречие.

Гуссерль разворачивает феноменологическое исследование в рамках научного дискурса, ориентируясь на построение научной теории. Но цель любой научной теории состоит в поиске решения вопросов об истинности или ложности предложений. Ради чего еще существует наука? Только ради того, чтобы формулировать *истины* о мире. Гуссерль, декларативно заявляя о редукции подобных целей, сам полностью отдает себя в

руки такого дискурса. Феноменология как теория тоже провозглашает истины, на сей раз истины о сознании. В этой теории все обстоит так, будто бы существует сознание как регион абсолютного бытия. Но ведь это откровенная натурализация, с которой сама же феноменология и должна бороться. Гуссерлевский эпистемологический императив «*ego cogito cogitatum*» противоречит себе. Он призван указать на приоритет интенциональных контекстов, но вместе с тем имеет статус суждения с четкой истинностной оценкой. «*Ego cogito cogitatum*» – так обстоят дела *на самом деле*, говорит феноменология как научная теория. «Я мыслю мыслимое», т.е. я всегда должен принимать тот или иной предмет во внимание только как феномен, имеющий корреляцию с субъективными актами сознания, и вместе с тем я, как феноменолог, должен утверждать саму тотальность таких интенциональных контекстов как нечто безусловно истинное, я должен выражать эту тотальность экстенционально.

Не стоит думать, будто изложенная выше проблема порождена исключительно феноменологической теорией познания. Она касается не только феноменологии и даже не только концепций о языке интенциональных контекстов в целом. Эти теоретические проекты – и феноменология, и интенционализм – в философии языка сами являются только разновидностями общей релятивистской эпистемологической установки, в рамках которой утверждается невозможность продуцирования безусловно истинных высказываний о реальности. Истинность любого высказывания является относительной, локальной, ограниченной возможностями познавательного аппарата субъекта. Именно эта общая эпистемологическая установка порождает противоречие при применении к ней аргумента от автореферентности.

Но имеет ли теоретическую значимость сам аргумент от автореферентности, который мы использовали при обсуждении вопроса о непротиворечивости языка интенциональных контекстов? Можно ли его преодолеть, указав на несостоятельность подобного хода рассуждения?

В XX в. при решении задачи преодоления теоретико-множественных и семантических парадоксов в философии математики и логике были разработаны две хорошо известные концепции, критикующие идею автореферентности, поскольку именно она объявлялась основанием возникающих парадоксов. Это была семантическая теория А. Тарского¹⁰ и тео-

¹⁰ *Tarski A. The Concept of Truth in Formalized Languages // Logic, Semantics, Metamathematics. Oxford : Oxford University Press, 1956. P. 152–278.*

рия типов Б. Рассела¹¹ (с определенными допущениями, которые мы фиксируем ниже).

С точки зрения различения языка и метаязыка, проведенного Тарским в его семантической концепции, логические парадоксы типа «Лжец», а мы могли бы добавить, что и эпистемологический парадокс релятивиста, разновидностью которого является парадокс языка интенциональных контекстов в нашей интерпретации, возникают из-за неправомерного логико-лингвистического смешения в рассуждении, возникающего как раз на основании явления автореферентности. Неправомерной оказывается не позиция релятивиста, в которой утверждается, что истинность каких бы то ни было теоретических суждений релятивизируется относительно субъективных/интерсубъективных факторов познания (культурных, лингвистических, психических, биологических и т.д.), а как раз обвинение этой позиции в противоречивости. Считать высказывание «Все высказывания относительны» самопротиворечивым можно только исходя из ошибочного смешения различных уровней языка. На деле само это высказывание относится уже не к языку, который в данном случае предстает объектом и о котором что-то говорится, а к метаязыку, поэтому никакой противоречивости в утверждении релятивиста нет. Это высказывание вполне может быть абсолютным, что не приводит нас к некоему мыслительному коллапсу, если только мы не забываем всякий раз проводить различия в уровнях языка, не допуская автореферентного дискурса.

С помощью теории типов Б. Рассела также может быть высказана критика в адрес тех, кто пытается уличить эпистемологические воззрения релятивизма в противоречивости. Подобно тем выводам, которые были сделаны из семантической концепции Тарского, можно сказать, что формулировка логического затруднения данных скептических воззрений основывается на смешении высказываний разных типов. Высказывание «Все высказывания относительны» попадает в логический тип более высокого порядка, нежели те высказывания, о которых в нем идет речь. Видимость противоречия возникает из-за неоправданного смешения данных логических типов, т.е. из-за формулировки автореферентных высказываний.

Однако указанные выше концепции, в которых устанавливается запрет на построение автореферентных высказыва-

¹¹ Уайтхед А., Рассел Б. Основания математики. В 3 т. Т. I. Самара : Самарский университет, 2005.

ний, а значит, аннулируется критический по отношению к теории языка интенциональных контекстов аргумент от автореферентности, не представляются состоятельными. Они порождают так называемые реванш-проблемы¹², т.е. сами попадают в те же логические ловушки парадоксов, которые пытаются преодолеть.

В отношении семантической концепции А. Тарского хорошо известна критическая аргументация Х. Патнема, в которой используется метафора так называемого языка красных чернил¹³. Если красными чернилами записываются правила для всех возможных языков, высказывания которых записаны чернилами всех иных известных цветов, то каким цветом будут записываться правила для языка красных чернил? Если красным, то сам этот язык оказывается замкнутым на самом себе, т.е. автореферентным. Если же предположить существование чернил иного, неизвестного нам цвета, то правила языка красных чернил не будут распространяться на этот новый метаязык и высказывания, записанные новым цветом, могут регулироваться иными правилами, отличными от разработанной семантической концепции.

Критика исследовательской стратегии Рассела осложняется тем, что в «Principia Mathematica» причиной парадоксов объявляется не явление автореферентности как таковое, а принцип порочного круга: «Анализ парадоксов, которых необходимо избежать, показывает, что все они проистекают из порочного круга некоторого вида. Порочные круги возникают при предположении, что некоторое собрание объектов может содержать элементы, которые могут быть определены лишь посредством этого собрания как единой совокупности»¹⁴. Соответственно встает вопрос о соотношении понятий автореферентности и порочного круга.

Рассел впервые столкнулся с проблемой парадоксов при анализе логицистской программы обоснования математики Г. Фреге. В своем известном письме к Г. Фреге в 1902 г. Рассел сформулировал так называемый парадокс класса всех стандартных классов: «Вы утверждаете, что функция может быть неопределяемым элементом. Я тоже так считал, но те-

¹² В литературе по семантическим парадоксам реванш-проблемами (revenge problems) называют ситуации, при которых те или иные предлагаемые решения парадоксов сами оказываются парадоксальными. См., например: Field H. A Revenge-Immune Solution to the Semantic Paradoxes // Journal of Philosophical Logic. 2003. № 32. P. 139–177.

¹³ Патнем Х. Реализм с человеческим лицом // Аналитическая философия: становление и развитие. М., 1998. С. 466–494.

¹⁴ Уайтхед А., Рассел Б. Указ. соч. С. 110.

перь этот взгляд кажется мне сомнительным из-за следующего противоречия: пусть w будет предикатом “быть предикатом, не приложимым к самому себе”. Приложим ли w к самому себе? Из любого ответа вытекает противоречие. Стало быть, мы должны заключить, что w не является предикатом. Также не существует класса (как целого) тех классов, которые, как целое, не являются членами самих себя. Отсюда я заключаю, что при некоторых обстоятельствах определяемое множество не образует целого»¹⁵. Класс всех классов, не являющихся членами самих себя (стандартный класс), оказывается противоречив в том смысле, что по отношению к нему мы с одинаковой претензией на истинность можем употребить два противоречащих друг другу суждения. Истинным является как суждение «Класс всех стандартных классов есть стандартный класс», так и противоречащее ему «Класс всех стандартных классов есть нестандартный класс». Если мы допустим, что класс всех стандартных классов стандартен, то он должен стать членом самого себя, ведь это класс, включающий в себя все возможные стандартные классы. Но в таком случае мы приходим к выводу, что этот класс является нестандартным. Если мы допустим, что класс всех стандартных классов является нестандартным, то мы должны рассмотреть его в качестве члена себя самого. Но членами данного класса являются только стандартные классы, и поэтому мы приходим к выводу, что данный класс тоже является стандартным.

Тем не менее этот парадокс еще не характеризует в полной мере явление порочного круга, представленное в «Principia Mathematica» как общее основание парадоксальности. Парадокс класса всех стандартных классов, известный также как парадокс Рассела, сам возникает по другой причине, а именно на том основании, которое Г. фон Фригт назвал явлением существенной отрицательности¹⁶. Поэтому непосредственно парадокс Рассела в настоящем рассмотрении следует оставить в стороне.

Нам представляется, что явление порочного круга, по крайней мере в изложении авторов «Principia Mathematica», характеризует логические затруднения, связанные с поняти-

¹⁵ Frege G. Philosophical and Mathematical Correspondence. Oxford : Basil Blackwell, 1980. P. 130–131.

¹⁶ См.: Фригт Г.Х. фон. Гетерологический парадокс // Г.Х. фон Фригт. Логико-философские исследования : избранные труды. М., 1986. С. 477. См. подробнее: Ладов В.А., Эннс И.А. Аналитическое определение числа, парадокс Рассела и теория типов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 2. С. 13–20.

ем множества всех множеств, которое является более общим, нежели парадоксальный класс всех стандартных классов в парадоксе Рассела. Явление автореферентности в свою очередь характеризует семантические парадоксы, подобные парадоксу «Лжец». Различие между этими двумя явлениями состоит в принципиальной важности понятия единой совокупности для образования теоретико-множественного порочного круга, тогда как в случае семантической автореферентности речь о единой совокупности не идет. Затруднение порочного круга состоит в том, что одним из элементов множества, мыслимого как единая совокупность своих элементов, оказывается оно само в качестве своего частного элемента, поэтому с построением такого множества возникает проблема: чтобы его построить, оно уже должно существовать. В случае же семантической автореферентности высказываний, например в классическом античном парадоксе «Лжец», который в формулировке У. Куайна выглядит следующим образом: «Критянин Эпименид говорит, что все критяне лгут; следовательно, его высказывание должно в случае истинности быть ложным»¹⁷, мы не сталкиваемся с вопросом о единой совокупности. Проблема Эпименида не в том, что он в своем высказывании «Все критяне лгут» должен сделать предметом рассмотрения каждое конкретное высказывание каждого конкретного жителя острова Крит, а также совокупность этих высказываний, взятых как единое целое. Дело не в том, что Эпименид в принципе не может продуцировать высказывание «Все критяне лгут», потому что должен включить в его предметную область свое собственное высказывание и затем еще рассмотреть все эти высказывания как единое целое. Речь здесь не идет ни о какой совокупности, рассматриваемой как отдельный элемент предметной области. Проблема заключается в попытке задать характеристику еще одному конкретному высказыванию наряду с другими конкретными высказываниями жителей острова Крит, а именно высказыванию самого Эпименида «Все критяне лгут». В данном случае мы не говорим, что у нас возникает затруднение в продуцировании этого высказывания. Скорее у нас возникает затруднение в его оценке.

Однако для целей настоящего исследования такими тонкими различиями между основаниями теоретико-множественных и семантических парадоксов можно пренебречь, тем

¹⁷ Куайн У. Заметки по теории референции // У.В.О. Куайн. С точки зрения логики. М., 2010. С. 191–192.

более что теория типов Рассела часто находит применение не только при обсуждении теоретико-множественной проблематики, но и при логико-семантическом анализе высказываний: «Истинностная оценка должна релятивизироваться относительно типа высказанных утверждений. Любое утверждение о высказываниях n -го типа само будет относиться к $n + 1$ -му типу и не должно включаться в класс оцениваемых высказываний»¹⁸. Если принять расселовскую теорию типов в этом семантическом измерении и рассматривать ее не только как запрет на образование порочных кругов теоретико-множественного типа, но и как запрет на образование автореферентных высказываний, то по отношению к ней вполне может быть высказана критика, аналогичная критике теории иерархии языков Тарского.

Так, теория типов Рассела по сути устанавливает запрет на универсалистский дискурс вообще. Нельзя говорить обо всем сразу, всегда следует помнить, что какое бы то ни было высказывание может касаться только ограниченной предметной области. Следовательно, и истинностная оценка этого высказывания также не может быть универсальной, она всегда должна релятивизироваться относительно определенного круга предметов, который охватывается в высказывании. Но как быть с самой формулировкой теории типов? Относится ли она только к определенному типу высказываний, охватывающих определенную, ограниченную предметную область, или все же представляет собой пример высказывания того самого универсального характера, запрет на которые она как раз и пытается установить? Если верно первое, то данная теория не охватывает собой все возможные типы высказываний и, значит, допускает существование высказываний таких типов, которые будут руководствоваться иными принципами, отличными от принципа теории типов. Таким образом, данная теория в самом своем утверждении должна допустить собственное отрицание. Если же верно второе, то форма утверждения данной теории вступает в противоречие с ее содержанием: тезис об отсутствии универсальных высказываний формулируется в высказывании, претендующем на статус универсального. В итоге теория типов сама оказывается в логическом тупике. На подобные трудности в обосновании данной теории уже вскоре после ее появления указал П. Вайсс¹⁹, представивший подробные критические аргументы по отношению к ней.

¹⁸ Суровцев В.А. Автономия логики. Томск, 2001. С. 60.

¹⁹ См.: Weiss P. The Theory of Types // Mind. 1928. Vol. 37. № 147. P. 338–348.

То, что логико-семантические проекты XX в. не смогли аннулировать значимость аргументации, опирающейся на идею автореферентности, представляется крайне важным. Идея автореферентности вообще является одной из определяющих для философии, фиксирующей сущность данного вида рациональной деятельности. В отличие от конкретных наук, которые ограничивают свои исследования определенным регионом сущего, философия всегда претендовала на то, чтобы быть универсальным знанием о сущем в целом. Собственно, в этом и состоит цель построения онтологической системы в философии – представить знание о сущем в целом на максимально высоком уровне общности. Выражение такого знания возможно именно в семантически замкнутом автореферентном языке, ибо только такой язык способен говорить обо всем, что есть, в том числе и о себе самом, как определенном виде сущего. Эту специфику философского мышления подчеркивает Ф. Фитч: «Характерная черта философии состоит в том, чтобы дотянуться до этого максимального уровня и быть способной использовать автореферентные виды рассуждения, которые возможны на этом уровне»²⁰.

Автореферентность имеет важнейшее значение и для эпистемологии. Любая эпистемологическая концепция есть теоретическое построение о сущности, способах, границах, нормах и идеалах познания. При этом само построение той или иной конкретной эпистемологической концепции есть проявление познавательных возможностей рационального субъекта. Для того чтобы предметная область исследования любой конкретной эпистемологической концепции была полной, она должна включать и построение самой этой концепции как один из вариантов проявления познавательных процессов. Только при исследовании полной предметной области можно говорить о допущении всеобщего и необходимого знания, знания как такового, отличного от мнения, которое всегда характеризуется ограниченностью. Установить полный запрет на автореферентность – значит отказаться от концепта знания как такового в качестве регулятивной идеи познавательной деятельности.

Итак, если аргумент от автореферентности признавать валидным для оценки философского исследования как в области онтологии, так и в области эпистемологии, то на основании проведенного выше анализа можно заключить, что

²⁰ Fitch F. Self-Reference in Philosophy // Mind. 1946. Vol. 55. № 217. P. 64–73.

концептуальное построение, утверждающее тотальность языка интенциональных контекстов, оказывается логически противоречивым и в силу этого теоретически нереализуемым.

Выводы

В данной статье мы обратились к обсуждению языка интенциональных контекстов. Значимую, на наш взгляд, эпистемологическую проблему в отношении этого языка мы сформулировали следующим образом: возможен ли язык, ориентированный исключительно на выражение интенциональных контекстов? Для решения данной проблемы мы рассмотрели два частных вопроса: о выразительных возможностях языка интенциональных контекстов и о логической непротиворечивости языка интенциональных контекстов.

Исследование второго вопроса позволило представить однозначное решение общей проблемы: язык, ориентированный исключительно на выражение интенциональных контекстов, невозможен как последовательная и непротиворечивая знаковая система. Эта предполагаемая система всегда будет заключать в себе противоречие автореферентного свойства: утверждение о позиционировании исключительно интенциональных контекстов в таком языке будет производиться за счет предложения, отсылающего к экстенциональному контексту. Экстенциональный контекст будет составлять фундамент данного языка, что противоречит первоначально заданному условию.

Сформулированный выше вывод бесспорно является важным, но не оригинальным. По сути он представляет собой распространение на область проблем современной философии языка классического аргумента о противоречивости релятивизма, дополненного анализом дискуссии о природе противоречий в логике XX в.

Возможно, более интересным и оригинальным в ходе данного обсуждения может предстать другой вывод, который мы вправе сделать на основании исследования первого из сформулированных вопросов, а именно вопроса о выразительных возможностях языка интенциональных контекстов, при условии, что мы уже держим в уме ответ на второй вопрос.

В опоре на логико-лингвистический анализ Фреге мы установили, что выразительные возможности естественного

языка не позволяют провести четкую дистинкцию между интенциональным и экстенциональным контекстами. Экстенциональные контексты имплицитно всегда вплетены в дискурс, ориентированный на выражение интенциональных контекстов. Вопрос, решение которого мы отложили на более поздний срок, состоял в следующем: является ли эта выявленная Фреге характеристика естественного языка его недостатком? По отношению к дискурсу гуссерлевской феноменологии мы, казалось бы, без колебаний должны дать положительный ответ на этот вопрос. Если феноменологическая редукция как центральная методологическая операция феноменологии на лингвистическом уровне предполагает ограничить употребление языковых выражений только интенциональными контекстами, то естественный язык, который скрывает различие интенционального и экстенционального контекстов, должен быть признан непригодным для целей феноменологии и отсутствие возможности четкой фиксации указанного выше различия должно быть признано существенным недостатком естественного языка. Однако в свете того вывода, который мы сделали при обсуждении вопроса о логической непротиворечивости языка интенциональных контекстов, следует изменить нашу позицию на противоположную. Тот факт, что естественный язык не позволяет удерживать себя в среде интенциональных контекстов и всегда ускользает в область экстенциональных контекстов, является не недостатком, а, напротив, достоинством, своеобразной мудростью языка, который своей структурой блокирует возможность дискурсов, приводящих к логическим противоречиям. Естественный язык всегда выражает реалистскую онтоэпистемологическую установку и блокирует любой радикальный антиреалистский дискурс, пытающийся установить запрет на выражение экстенциональных реалистских контекстов. Своим функционированием естественный язык демонстрирует, что он в принципе ориентирован на описание того, что есть, а не того, что мнится.